

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖѢ И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 20 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 13

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
24 МАРТА

ФЕРДИНАНДЪ КОБУРГСКИЙ БѢЖАЛЪ, БОЯСЬ РЕВОЛЮЦІИ.

Стокгольмская газета „Aftonbl.“, со словъ своего берлинскаго корреспондента, передаетъ сенсационное извѣстіе: „Болгарія наканунѣ династическаго переворота и общей революціи. Фердинандъ умчался въ Австро-Венгрію, подѣ Будапешть, гдѣ находится замокъ его супруги“.

Рис. Ре-ми.

Фердинандъ Болгарскій: — У меня совсѣмъ такой же вкусъ, какъ и у моего народа. Имъ нравится моя голова, и мнѣ нравится моя голова.

Освобожденный от сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ

5 | 1 | 0 |
2 | 0

Государственный
ВОЕННЫЙ КРАТКОСРОЧНЫЙ ЗАЕМЪ
ВЫПУСКА 1916 Г.,

выпускаемый на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО УКАЗА,
НА НАРИЦАТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛЬ

2.000.000.000 рублей,

двумя сериями по 1.000.000.000 рублей каждая.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ **5¹/₂% годовыхъ**, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 1 февраля и 1 августа. Всѣ облигаціи займа будутъ погашены 1 февраля 1926 г.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Держателямъ облигацій сего займа будетъ **предоставлено право** обмѣнять имѣющіеся у нихъ облигаціи на облигаціи Государственныхъ займовъ того же или болѣе продолжительныхъ сроковъ, могущихъ быть выпущенными внутри Имперіи въ теченіе 1916 г., при чемъ въ уплату по новымъ займамъ будутъ приниматься облигаціи настоящаго займа **по ихъ выпускной цѣнѣ**.

Такимъ образомъ заемъ сей выпускается совершенно на тѣхъ же условіяхъ кромѣ сроковъ купоновъ, какъ предыдущій 5¹/₂% военный краткосрочный заемъ 1915 г.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

**въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ Частныхъ коммерческихъ банкахъ:**

Волжско-Камскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Международномъ Коммерческомъ,
Русскомъ для Внѣшней Торговли,
Петроградскомъ Учетномъ и Ссудномъ,
Русско-Азіатскомъ,
Азовско-Донскомъ Коммерческомъ,
Русскомъ Торгово-Промышленномъ,
Сибирскомъ Торговомъ,
Петроградскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Русско-Французскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Торговомъ,
Русско-Англійскомъ,
Московскомъ Купеческомъ,
Соединенномъ,
Коммерческомъ Банкѣ И. В. Юнкеръ и К^о,
Московскомъ,
Московскомъ Торговомъ,
Московскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Московскомъ Учетномъ.

Московскомъ Народномъ,
Коммерческомъ въ Варшавѣ,
Кіевскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Союзномъ Банкѣ (въ Петроградѣ),
Рижскомъ Коммерческомъ,
Ростовскомъ н/Дону Купеческомъ,
Тифлиссскомъ Комерческомъ,
Тифлиссскомъ Купеческомъ,
Петроградскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита

и въ банкирскихъ домахъ:

Бр. Джамгаровыхъ, въ Петроградѣ и Москвѣ,
Лампе и К^о, въ Петроградѣ,
Э. М. Мейеръ и К^о въ Петроградѣ,
Маврик'й Нелькенъ " " "
Г. Волкова съ С-ми, въ Петроградѣ и Москвѣ,
М. Ашкенази, въ Одессѣ.

**въ Казначействахъ (постоянныхъ),
въ Городскихъ общественныхъ банкахъ и въ Обществахъ
взаимнаго кредита,**

**въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ Учрежденіяхъ мелкаго кредита и
въ полевыхъ Казначействахъ**

съ 15 марта

по 22 апрѣля

с. г.

включительно.

съ 15 марта
по 13 мая с. г.
включительно.

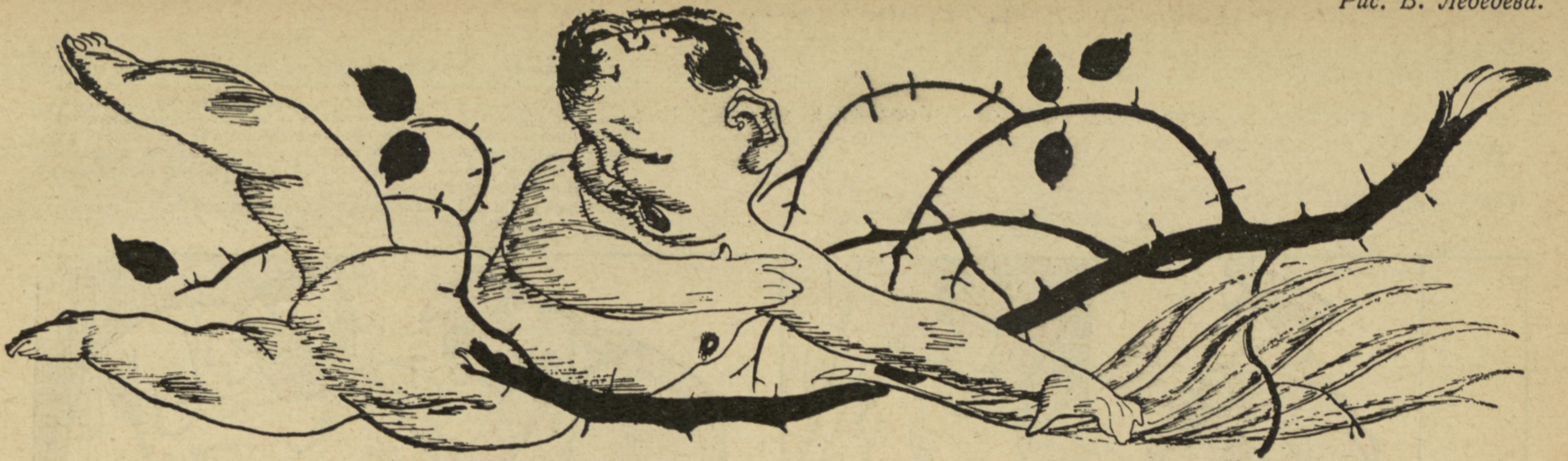
Подписная цѣна назначается въ 95%, съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 1 февраля с. г. по день уплаты.

Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, въ частныхъ коммерческихъ банкахъ и общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 рублей, а въ Казначействахъ, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго и учрежденіяхъ мелкаго кредита свыше 300 руб., — уплата можетъ быть разсрочена, съ тѣмъ, чтобы 50% подписной номинальной суммы облигацій займа были оплочены въ самый день подписки, а остатокъ 50% — не позднѣе 13 мая.

Лица, подписавшіяся въ разсрочку, вносятъ одновременно съ оплатой 50% въ подписной суммы, также залогъ въ размѣрѣ 50% съ номинальной суммы оставшихся неоплаченныхъ облигацій. Этотъ залогъ можетъ быть внесенъ наличными деньгами или % бумагами.

Предварительныя заявленія о подпискѣ и уплата денегъ могутъ быть принимаемы въ тѣхъ же мѣстахъ со дня опубликованія сего объявленія.

ИЗЪ КНИГИ „ЧРЕВО“.

Земля.

Земля дала мнѣ радостную плоть
И пѣснотворчество, и близость неба,
Вино и медь, и благостный ломоть
Жизнеспасительнаго хлѣба.

Земля дала мнѣ зарные цвѣты
И запахъ смольный осіянной хвои,
И моря звонъ, и строгой высоты
Молчанье онѣговое.

Земля меня взлелѣяла, любя,
Ея ли не избыточна услада,
Коль въ полдень вешній встрѣтилъ я тебя,
Моя пѣвунья, — ласкотница Лада.

Мнѣ любо все: и осторожный гадъ,
И плѣсневѣ и въ домовинѣ тлѣнье.
Земля, — одинъ цвѣтущій буйно садъ, —
Одно селенье.

Шумите, пѣнясь, добрыя поля,
Разливу ихъ свѣтло дивися, ратай,
Рожай, не тужась, мудрая земля,
И зелень-хмель — съ мукой ячменной сватай.

Когда яснѣетъ солнцего копье
И зычный рогъ зоветъ тельцовъ изъ хлѣва,
Я каждый разъ могучее твое,
Благословляю чрево!

СОЛНЦЕ — ГОСТЬ.

Жаркоглядь, златоцвѣтъ,
Лебедь пламеносный,
Лугъ тобою одѣтъ —
Радостный и росный.

На лугу хороводъ,
Пѣсня да забава,
И тебѣ «Хлѣбородъ» —
Величанье — слава.

У тебя предъ лицомъ
Радуги и громы,
Предъ твоимъ мы крыльцомъ —
Жжемъ пуки соломы.

Наши зарны — огни,
До тебя молебны,

Дай намъ ведрые дни,
Дай намъ солодъ хлѣбный.

Будетъ любо житье,
Брага да невѣста,
Будетъ первымъ твое
Праздничное мѣсто.

Сядешь съ нами за столъ,
Поведешь веселье,
Хмѣль ударить — не коль,
Не бѣда — похмѣлье.

БЫКИ.

Пьютъ изъ червленѣющей рѣки,
Что позатаилась межъ лугами,
Матерые, сизые быки,
Словно бы съ желѣзными рогами.

Дольго ль пьютъ? Быть можетъ, и сто лѣтъ
Выпьютъ эту, гдѣ-то есть другая.
Развѣ малъ пригожій — бѣлый свѣтъ?
Только знай — иди, хвостомъ махая.

Гдѣ ни станешь, все тебѣ трава,
Гдѣ ни ляжешь, все тебѣ удоба.
Землетяжна, дюже здорова
Бычья неумная утроба.

Холодна водица изъ ключей,
Изъ подкамневыхъ, изъ подкорневыхъ.
Сколько лѣсачихъ и лѣсачей
Наклонилось къ рѣчкѣ съ лапъ еловыхъ!

Сколько понагнали Вѣтряки
Облаковъ на солнцеву перину!
Ничего не видятъ, — пьютъ быки,
Пьютъ — сосутъ земную пуповину.

У старшого яблокомъ кадыкъ;
Эко дышитъ. Льетъ вода съ губищи.
Кланяюся низко, сударь-быкъ,
Ты краса, ты сила — старичище.

Александръ Рославлевъ.

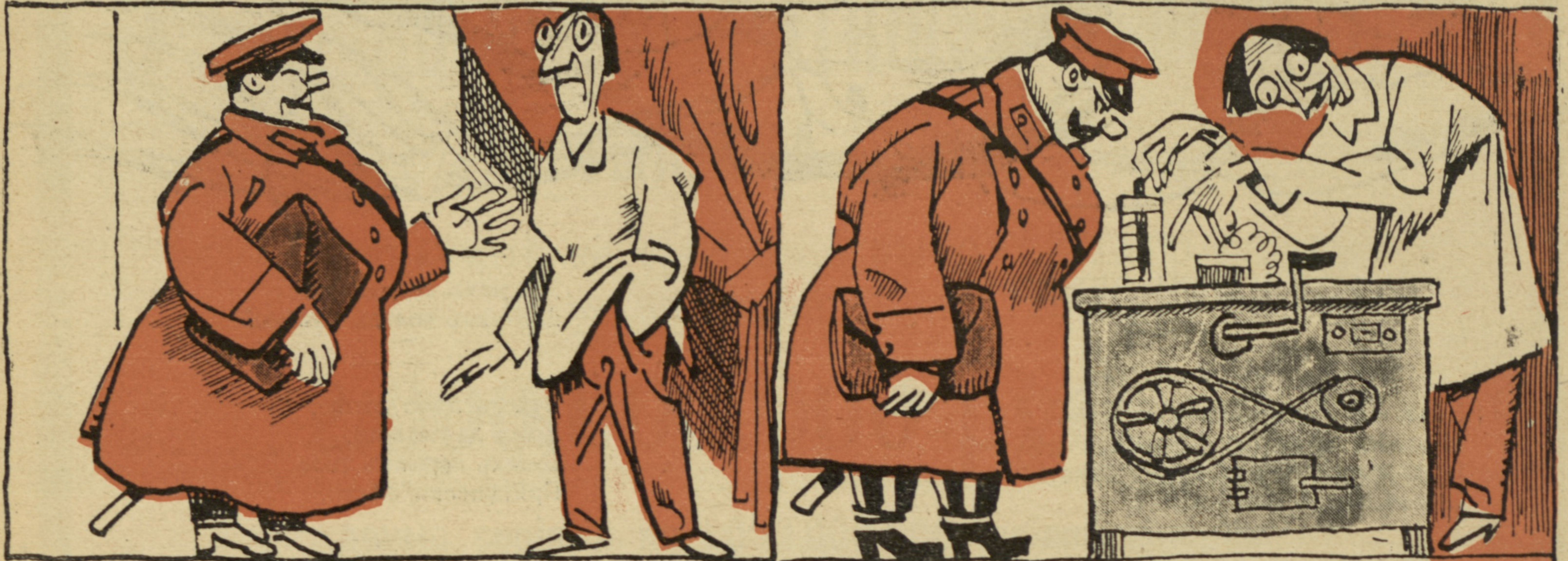
ЛИЦО.

Именительный	падежъ	одно Лицо
Родительный	„	одного Лица
Дательный	„	одному Лицу
Винительный	„	одного Лица
Творительный	„	однимъ Лицомъ
Предложный	„	объ одномъ Лицѣ

„Принимая во внимание близость полиции к населению, прошу ваше превосходительство поручить чинам полиции, в случае каких-либо открытий и изобретений или проявленного тѣмъ или инымъ лицомъ творчества, будь то въ области сельскаго хозяйства или технологии, поэзии, живописи или музыки, а тѣмъ болѣе военнаго искусства, — немедленно доводить о томъ до вашего свѣдѣнія, а затѣмъ по проверкѣ сообщать безотлагательно министерству внутреннихъ дѣлъ, по департаменту полиции“.

(Изъ циркуляровъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Хвостова.)

Рис. Радакова.

— Говорятъ, вы машину какую-то необыкновенную изобрѣли? Покажите-ка!

— Вотъ — машина для моментальной очистки помоекъ. Понимаете, теперь ужъ всѣ помойки будутъ всегда чисты, не надо будетъ штрафовать...

— Позвольте, а какъ же мы-то?

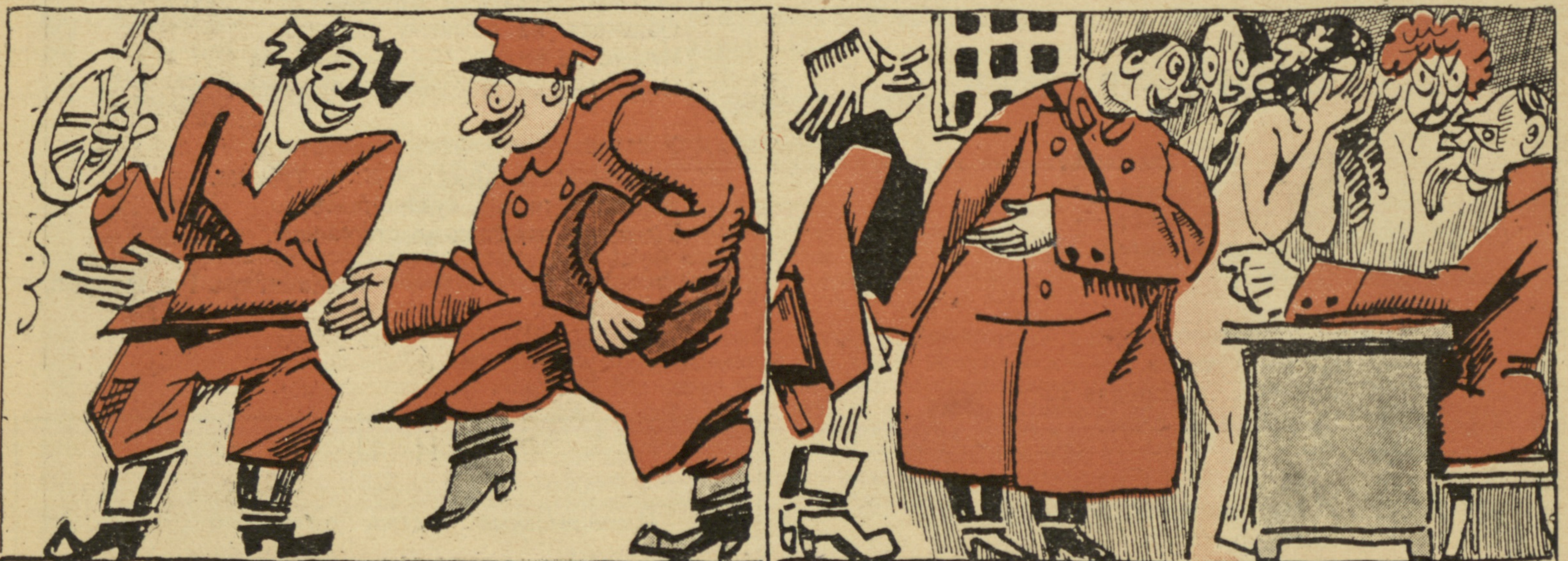

— Эге-ге, а это что такое?! Винтикъ-то вѣдь, кажется, съ нѣмецкимъ клеймомъ. А ну-ка, парень! Разбери-ка всю машину, можетъ, тамъ еще что запретное найдемъ! Такъ-съ... За мной пожалуйста.

— Мнѣ про васъ, господинъ художникъ, говорили, что вы картину замѣчательную написали, а вы оказывается съ незаконной женщиной въ развратномъ видѣ вино пьете!

— Это я вакханку рисую...

— А разрѣшенъ на вино есть? Что, нѣту?! За мной пожалуйста.

— Ты что это, Ванька, дѣлаешь?

— А я, вашбродь, взялъ колесо отъ машины, что вы разобрали, придѣлалъ къ ему струну, дѣрну, а она и гудеть.

— Здорово гудеть! Молодчага ты, Ванька!

— Осмѣлюсь доложить, что не всѣ оказались столь развратнаго поведения и малыхъ способностей. Изъ низа народнаго выдвинулся Иванъ Носъ изобрѣтеніемъ наилучшей музыкальной машины для веселія!

ПОЮЩІЯ ДВЕРИ.

Въ дѣтской головкѣ смысла много ли, —
Все чудесно на свѣтлый ребячій глазъ!
«Поющія двери», отрывокъ изъ Гоголя,
Я увидѣлъ ребенкомъ въ хрестоматіи разъ.

Развѣ же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть оно —
Такое чудо — поющая дверь?
Какая прелесть! Вотъ удивительно,
Но если напечатано — такъ, значить, вѣрь!

Когда же поютъ онѣ — днемъ или вечеромъ?
Ночью ли — впотьмахъ, когда погасятъ свѣтъ?
Спѣли бы сейчасъ — все равно дѣлать нечего —
Мать ушла, въ комнатѣ никого нѣтъ...

Приложилъ ухо къ замочной скважинѣ...
Авось раздобьются — надумаютъ пѣть,
Но двери молчали — такія важныя,
И только пробоя холодѣла мѣдь.

— Деревянная! Глупая! — шепталъ я обиженно,
Отсталъ разочарованно отъ двери прочь.
А еще три креста мной было выжжено
На ней, неблагодарной, въ Страстную ночь!

Вотъ не ожидалъ такой нечестности.
Но годы помчались — считай да мѣрь...
Мнѣ извѣстно теперь изъ теории словесности,
Что метафора только — поющая дверь...

Дверь только скрипитъ, если плохо смазана,
Музыкальныхъ способностей у двери нѣтъ,
Но мнѣ все-таки спѣла два раза она
Съ промежуткомъ въ семь съ половиной лѣтъ.

Когда милую на солнечномъ восходѣ я
Дождался въ радостный часъ,
Нѣжная прозвучала у меня въ комнатѣ мелодія:
Это двери пропѣли мнѣ въ первый разъ.

Если бы могъ я привести изъ васъ кого
Ихъ послушать въ этотъ чудесный моментъ,
Ахъ, какъ вкрадчиво, ахъ, какъ ласково
Они вторили шуму юбокъ и лентъ.

Юность любовная — свѣжа она,
Какъ запахъ тминный съ огородныхъ грядъ,
Зрѣлость пришла, всгала, обезкураженно,
Умный и обиженный бросаая взглядъ.

Цѣлую ночь я умиралъ отъ ревности,
Милая съ любовникомъ встрѣчала разсвѣтъ,
Вернулась, когда дворникъ сталъ на дворѣ мести, —
Въ это утро я узналъ, что вѣрности нѣтъ.

Вернулась, и двери спѣли отходную —
Моей радости умерли голубые огни —
Вотъ я привѣтствую тебя, свободную,
Но, любимая, на цѣпи мои взгляни!!

Валентинъ Горянскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Не логично.

Газеты сообщаютъ, что:

Газ. „Земщина“ въ настоящемъ году получить большую субсидію, чѣмъ получала раньше.

Мы, конечно, понимаемъ, что теперь бумага стоитъ гораздо больше, чѣмъ раньше. Но — чистая бумага. А не испорченная.

Атласистый хищникъ.

Когда-то г. Брешко-Брешковскій въ своихъ эффектныхъ рецензіяхъ о французской борьбѣ пускалъ въ обращеніе такіе звучные образы:

„Солнечный мальчикъ Спуль“...

„Атласистый хищникъ Шварцеръ“...

Идя по его стопамъ, депутатъ П. В. Новицкій въ своей думской рѣчи назвалъ бывшего министра Хвостова „молодымъ львомъ“:

Господа, только старыхъ львовъ лягаютъ, а это еще молодой левъ и еще покажетъ свои зубы.

Что Хвостовъ оказался очень молодымъ львомъ — видно по результатамъ. Показалъ зубы — и такъ неудачно, что пришлось атласистому хищнику разстаться съ портфелемъ.

Гротескъ.

Никогда жизнь не была такъ уродлива, какъ, въ наши дни...

Вотъ, на примѣръ, параллель:

I.

Послѣ выборовъ московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ состоялся товарищескій адвокатскій обѣдъ. Во время обѣда была пущена въ продажу съ аукціона рюмка водки въ пользу адвокатскаго отряда, и купилъ ее А. С. Зерновъ за 501 рубль.

II.

Въ окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію владѣльца „банкирскаго конторы“ А. П. Кропотова и его компаніона Турчанинова въ растратѣ и мошенничествѣ.

Послѣ разныхъ комбинацій съ вкладчиками, комбинацій, окончившихся крахомъ — въ кассѣ банкирскаго конторы было найдено 4½ коп.

Наши внуки будутъ съ гордостью говорить о своихъ дѣдахъ:

— Они жили въ такое время, когда капиталъ банкирскаго конторы состоялъ изъ 4½ копеекъ, а рюмка водки стоила 501 рубль.

И ничего себѣ — жили сытно.

Рис. Н. Р.

МИЛЛІОНЕРЫ-СПЕКУЛЯНТЫ ВЪ КАФЕ.

— Ты уже заплатилъ за кофе?

— Нѣтъ. А ты?

— Нѣтъ.

— Такъ чего жъ мы ждемъ? Пойдемъ.

ЭТИ И ТЪ.

„Особое продовольственное совѣщаніе утвердило планъ постныхъ дней“.

(Изъ газетъ.)

— Что жъ, попостимся. Отечество требуетъ жертвъ.

— Не плачьте; завтра у насъ скоромный день, и я картошку вамъ подамъ въ жестянкахъ изъ-подъ мясныхъ консервовъ.

ЧЕЛОВѢКЪ, КАКИХЪ ТЕПЕРЬ МНОГО.

(Разсказъ 1916 года.)

Аркадія Аверченко.

Смѣшно сказать: въ теченіе двухъ дней я встрѣтилъ этого человѣка три раза; и онъ мнѣ былъ совершенно чуждъ и не нуженъ! А существуютъ люди, которыхъ любишь и съ которыми хотѣлъ бы встрѣтиться — и не видишь ихъ годами...

Первая встрѣча съ этимъ человѣкомъ произошла у крупнаго ювелира, гдѣ я выбиралъ булавку для подарка, а «этотъ человѣкъ» (до сихъ поръ не знаю, какъ его зовутъ) бессмысленно переминался съ ноги на ногу у прилавка, тоскливо вздыхая, и тѣ распахивая, тѣ запахивая роскошную шубу съ бобровымъ воротникомъ.

— Вамъ, собственно, что хотѣлось бы? — спрашивалъ терпѣливый приказчикъ.

— Да вотъ этихъ купить... ну, какихъ-нибудь драгоценныхъ камней.

— Какихъ именно?

— Эти бѣленькіе — брилліанты?

— Да.

— Значитъ, брилліантовъ. Потомъ еще голубыхъ я взялъ бы... красныхъ... А желтенькихъ нѣтъ?

— Есть. Топазы.

— Это дорогіе?

— Нѣтъ, они дешевые.

— Тогда не стоитъ. Брилліанты — самые дорогіе? Они какъ — поштучно?

— Нѣтъ, по вѣсу.

— Вотъ вы мнѣ полфунтика заверните.

— Видите ли, такъ, собственно, нельзя. Брилліанты продаются на караты...

— На что?

— На караты.

— Это скучно. Я этого не понимаю. Тогда лучше поштучно.

— Вамъ въ издѣліи показать?

— А что шикарнѣе?

— Да въ издѣліи можно носить, а такъ, отдѣльные камни — они у васъ просто лежать будутъ.

— Тогда лучше издѣліе.

— Желаете, колье покажу?

— Хорошо... Оно дорогое?

— 12 тысячъ.

— Это ничего себѣ, это хорошо. Вотъ это оно? А почему же на немъ одни бѣлые камни? Хотѣлось бы чего-нибудь и зелененькаго...

— Вотъ вамъ другое, съ изумрудомъ.

— Оно симпатичное, только куда я его надѣну?

— Виноватъ, это не мужская вещь, а дамская. Если женѣ подарить...

Незнакомецъ хитро прищурилъ одинъ глазъ:

— Экой вы чудакъ! А если я не женатъ?

— Гм! — промывчалъ приказчикъ, усиленно воли сгоняя съ лица выраженіе отчаянія. — Вы, значитъ, хотѣли бы что-нибудь выбрать для себя лично?

— Ну да же! А вы что думали?

— Тогда возьмите кольцо.

— А оно сколько стоитъ?

— Смотря какое. Вотъ поглядите здѣсь: какое понравится.

— Вотъ это — почему? Голубенькое.

— Двѣсти пятьдесятъ.

— Гадость. Мнѣ тысячъ на пятнадцать, на двадцать.

— Тогда брилліантовья возьмите. Вотъ это — рѣдкая вода: семь съ половиной тысячъ.

— А дороже нѣтъ?

— Нѣтъ. Да вѣдь вы можете три взять!

— И вѣрно вѣдь. Заверните. Вы думаете, что они достаточно шикарны?

— О, помилуйте, м-сье!

— Вы меня извините, но я въ этомъ ничего не понимаю. Вотъ насчетъ бумагъ я хорошо наместачился.

— Но вѣдь теперь, м-сье, биржа, кажется, не работаетъ?

— Какая биржа? Я говорю о газетной бумагѣ, писчей, оберточной — все, что угодно! Получите за кольца. Вы ихъ пришлете ко мнѣ съ мальчишкой — не хочется таскаться съ этой ерундой. Или лучше я ихъ на пальцы надѣну. Экіе здоровые каменищи. Не выпадутъ?

— О, помилуйте...

— А то выпадутъ — и пропало кольцо. Куда оно тогда? Намѣсто камня — дырка. Будто окно съ выбитымъ стекломъ. Прощайте.

* * *

Въ тотъ же день вечеромъ я увидѣлъ его въ мебельномъ магазинѣ...

— Послушайте, — горячился онъ. — Поймите: если бы вы сказали мнѣ: хочу имѣть самую лучшую бумагу — я отвѣтилъ бы: вотъ эта лучшая. А вы мнѣ не говорите прямо, что хорошо, что нѣтъ. Вы говорите, что эта гостиная розоваго дерева, а эта — Людовика, ну? Какая же лучше?

— Какая вамъ понравится...

— А которая дороже?

— Розоваго дерева. Три тысячи двѣсти.

— Ну, вотъ эту и заверните. Затѣмъ — какія еще комнаты есть у васъ?

— Кабинетъ, спальня, столовая, передняя...

— А еще!

— Будуары еще есть.

— Ну, это всего шесть. А у меня десять. Чѣмъ же ихъ заставлять прикажете?

— А кто у васъ еще будетъ помѣщаться въ квартирѣ?

— Я одинъ!

— Гм!.. Можно тогда библиотеку.

— Семь! А еще?

— Можно тогда какую-нибудь комнату въ русскомъ стилѣ. Потомъ, ну... сдѣлайте второй кабинетъ. Одинъ для работы, другой... такъ себѣ.

Оба глядѣли другъ на друга бессмысленными отъ натуги глазами и мучительно думали.

— Это девять. А въ десятую что я поставлю?

— А десятую... сдайте кому-нибудь. Ну, на что вамъ одному десять? Довольно и девяти. Сдадите — вамъ же веселѣе будетъ.

— Это идея. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы эта комната была стильная.

— Въ какомъ стилѣ, м-сье?

— Въ хорошемъ. Ну, вы тамъ сами подберите. Охо-хо... Теперь подсчитайте — сколько выйдетъ?

* * *

А на другой день я къ своему и его удивленію (онъ уже началъ привыкать къ моему лицу) встрѣтилъ его на картинной выставкѣ.

Онъ помѣстился сзади меня, поглядѣлъ изъ-за моего плеча на картину, передъ которой я стоялъ, и спросилъ:

— Это хорошая?

— Картина? Ничего себѣ. Воздуху маловато.

— Ну! А я уже, было, хотѣлъ купить ее. Вижу вы долго смотрите — значитъ, думаю, хорошая. Я уже три купилъ.

— Какія?

— Да вотъ тѣ, около которыхъ стоятъ. Я себѣ такъ и думаю: тѣ картины, около которыхъ стоятъ — значитъ, хорошія картины.

Я принялъ серьезный дѣловой видъ:

— А сколько человѣкъ должно стоять передъ картиной, чтобы вы купили?

— Десять, — такъ же серьезно отвѣтилъ онъ. — Не меньше. Три, пять, шесть — уже не то.

— А вы — сообразительный человѣкъ.

— Да; я только ничего не понимаю во многомъ. А природный умъ у меня есть. Вы знаете, какъ ловко я купилъ себѣ автомобиль? Я вѣдь въ нихъ ничего не понимаю... Ну, вотъ, прихожу въ автомобильный магазинъ, расхаживаю себѣ, гуляю. Вижу, какой-то господинъ выбралъ для себя машину... осмотрѣлъ онъ ее, похвалилъ, сторговался, а когда уже платилъ деньги, я и говорю: «уступите ее мнѣ, пятьсотъ

отступного»... Удивился, но уступилъ. Хорошій такой господинъ.

— У васъ, очевидно, большія средства?

— Ахъ и не говорите. Намучился я съ ними... Вы уже уходите? Пойдемъ, я васъ подвезу на своей машинѣ... Прогуляться хотите? Ну, пойдемъ пѣшкомъ...

* * *

Взявъ меня подъ руку, онъ зашагалъ подлѣ, заискивающе глядя мнѣ въ глаза и согнувшись въ своей великолѣпной шубѣ...

— Я былъ раньше такой бѣдный, что ужасъ; служилъ конторщикомъ, получалъ 40 рублей въ мѣсяцъ, но скопилъ сто рублей. Пришелъ одинъ товарищъ, говоритъ: «Давай купимъ пятнадцать стопъ бумаги, а черезъ недѣлю продадимъ». — «Давай». Купили по десяти рублей — черезъ недѣлю продали по четырнадцати. Подождаль онъ. — «Давай, говоритъ, купимъ по пятнадцати, продадимъ по двадцати». Опять купили, опять продали. Понимаете? Дѣлать ничего не надо, а только покупать, подождать, а потомъ продавать. Понялъ я, въ чемъ штука, сталъ одинъ работать. Даже дѣло проще пошло: приѣзжаю на бумажную фабрику: почему эта бумага? По восемнадцать! — Дѣлайте тысячу стопъ. Вотъ задатокъ. Дашь задатокъ и ждешь. Черезъ двѣ недѣли — письмо: «эта бумага уже стоитъ по двадцать четыре. Предлагаемъ пять тысячъ отступного». беру отступное, заказываю новую. Понимаете, удобство? Ни брать бумаги не нужно, ни возить ее, ни продавать... Ты себѣ гуляешь, а она себѣ растетъ. Очень спокойное дѣло. Ну, а теперь я рѣшилъ зажить по-человѣчески. Скажите, лошадь имѣть — шикарно?

— Очень.

— Надо бы купить. Знаете что? Я въ лошадяхъ ничего не понимаю. Вы купите лошадь, съ этой самой... съ повозкой! А потомъ продайте мнѣ съ надбавкой. Зарабатаете и мнѣ спокойнѣе.

— Нѣтъ, я этими дѣлами не занимаюсь.

— Жалко. На кого это вы такъ посмотрѣли?

— Дама одна прошла. Красивая.

— Серьезно, красивая?

— Да очень. Эффектная.

— Слушайте, а что если ее взять на содержаніе?

— Почему непременно ее?!

— Я въ этомъ, видите ли, ничего не понимаю, а вы говорите — красивая. Возьму ее на содержаніе, а?

— Позвольте! А вдругъ это порядочная женщина

— Ну, извинюсь. Большая бѣда. Сколько ей предложить, какъ вы думаете?

— Ей Богу, затрудняюсь.

— Предложу три тысячи въ мѣсяцъ, чортъ съ нимъ...

Онъ догналъ даму, пошелъ съ ней рядомъ... Заговорилъ... На лицѣ ея послѣдовательно выразилось: возмущеніе, удивленіе, смущеніе, недовѣрчивость, колебаніе и, наконецъ, радость, розовымъ свѣтомъ заливая ея красивое лицо.

Покупатель бумаги нашелъ самое нужное въ своей пустой жизни...

* * *

И подумалъ я:

«Теперь ты научишься и брилліанты покупать съ толкомъ, и обстановку выбирать въ настоящемъ стилѣ, и лошадь у тебя будетъ не одна, а двадцать одна, и картины появятся такія, передъ которыми будутъ останавливаться не десятки, а сотни, и во всемъ поймешь ты смыслъ и толкъ... и когда поймешь ты все это, какъ слѣдуетъ — не будетъ у тебя ни картинъ, ни лошадей, ни брилліантовъ, ибо есть справедливость на землѣ, ибо сказано: изъ земли взять, въ землю и вернуться.

Да будетъ вполнѣдствіи тебѣ твое сорокарублевое жалованье пухомъ!»

Аркадій Аверченко.

ГРАЖДАНЕ!

Подписывайтесь на заемъ — ради свѣтлаго, счастливаго будущаго нашей Родины!

КЕЛЕЙНИКЪ.

Келейникъ пѣсенки поетъ
У входа монастырской кельи, —
Келейникъ знаетъ, что придетъ
Принцесса въ звѣздномъ ожерельѣ,
Уронить пару васильковъ
Изъ глазъ задумчиво глубокихъ,
Ему оставивъ связку словъ,
Словъ, точно осень, одинокихъ...
— «Скажите батюшкѣ Петру,
Что я пришла къ нему по дѣлу...
Я заходила поутру,
Да безпокоить не посмѣла...»
Пройдетъ...

Среди священныхъ книгъ
До поздней ночи свѣтъ маячитъ...
Келейникъ къ скважинѣ приникъ
И... отчего-то горько плачетъ!..

С. М

БУМАГА.

(Показанія очевидца.)

Навѣрное всѣ слышали или читали, какъ вздорожала бумага. Но не всѣ знаютъ, какъ она теперь продается. Для свѣдѣнія малоопытныхъ передаю это, какъ очевидецъ.

* * *

Разговоръ обычно происходитъ между издателемъ, маленькимъ запуганнымъ человѣкомъ, и лицомъ, владѣющимъ бумагой. Означенное лицо приѣзжаетъ на большомъ грузовомъ автомобилѣ съ инкрустаціями. Сзади автомобиля, задыхаясь и падая, бѣгутъ владѣльцы типографій, редакторы и видные посѣтители разныхъ кафе.

— У васъ, кажется, есть бумага? — робко спрашиваетъ издатель, уступая мѣсто лицу и скромно стоя у дверей.

— А у васъ?

— Наоборотъ.

— Такъ вы будете имѣть бумагу.

— Да, но тогда я не буду имѣть денегъ.

— Выбирайте.

— Выбралъ. Почему?

— Пудъ?

— Метрами и километрами я бумагу не покупаю. Пудъ.

— Шесть двадцать.

— Двѣсти пудовъ. И сегодня же.

— Сегодня же? Сколько же это выйдетъ? — задумывается лицо съ бумагой. — Двѣсти пудовъ по семи сорокъ...

— Почему семь сорокъ? Вы же сказали...

— При чемъ же здѣсь: сказали? Не нить же я долженъ? Сказали... Какъ сказалъ — по девяти тридцать...

— Почему девять тридцать...

— Потому что одиннадцать двадцать.

— Я же издательствую четырнадцать лѣтъ и ни разу...

— Четырнадцать? Вы говорите: четырнадцать? Ну, хорошо. Четырнадцать пятьдесятъ и ни копейки меньше.

— Стыдились бы... Съ сѣдымъ человѣкомъ разговариваете... Обобрали. На одной бумагѣ нажили двадцать двѣ тысячи...

— Онъ говоритъ: двадцать двѣ: Что я — самъ себѣ жуликъ? Двадцать три тридцать и бумага ваша.

Издатель съ шумомъ смахиваетъ крупную слезу и соглашается.

— Везите.

— А что же, бумага сама прибѣжитъ? Конечно, повезу. Я же говорилъ, разъ по двадцати восьми согласны, я молчу...

— Я не могу по двадцати восьми, — робко стонетъ издатель, — я не женатъ на Рокфеллеръ — у меня нѣтъ такихъ денегъ.

— О чемъ же говорить?... Пойдите въ лавочку, купите себѣ за десять копеекъ почтовую марку и пойте дѣтскія пѣсни...

Издатель смотритъ на него мутными глазами, срываясь съ мѣста, и начинаетъ бѣгать по комнатѣ.

— Отъ двухъ до трехъ, — хрипитъ онъ, — до трехъ...

— Что до трехъ?

— Въ пятницу... Бить буду...

— Кого бить?

— Васъ... Васъ... Въ пятницу...

— Онъ говоритъ: бить... Цѣны отъ этого упадутъ? Бумага плотнѣе станетъ? Мерси, били ужъ. Такъ это имъ лишнихъ на пудъ 1 р. 20 к. встало...

Издатель, какъ раненая птичка, склоняетъ голову, садится на полъ и соглашается.

— Везите. Если можно — по тридцать. Нельзя — по сорокъ. Совсѣмъ нельзя — по шестидесяти. Можетъ быть, по особняку за пудъ? Можетъ быть...

* * *

Уходитъ бумажное лицо съ деньгами, полученными за бумагу, расталкивая у подъѣзда толпу редакторовъ, типографчиковъ и кафеиныхъ мальчиковъ, и садится въ автомобиль. Растрепанные, бѣгутъ за автомобилемъ, оглашая изрѣдка воздухъ жалобными, надорванными криками:

— Дяденька... Продай бумажечки...

«Для кого дяденька, а для васъ — Семень Петровичъ...» — думаетъ бумажное лицо и ѣдетъ дальше.

* * *

Самъ видѣлъ.

Арк. Буховъ

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Беллетристъ Дмитрій Крачковскій открылъ новую породу женщинъ, передвигающихся не съ помощью ногъ, какъ вообще принято въ хорошемъ обществѣ, а „ходящихъ грудью“:

Она подходила плотно къ раскрытой двери своей высокой грудью.

Откроемъ г. Крачковскому маленькій секретъ: женская грудь создана природой совсѣмъ для другой цѣли.

„Синій Журналъ“ помѣстилъ плохо отпечатанную синей краской фотографію какого-то животного и подписалъ подъ рисункомъ:

Серебряная лисица.

Лисица, которую вы видите, оцѣнена въ 20.000 рублей на наши деньги. Это чрезвычайно рѣдкій экземпляръ, — шерсть серебрянаго цвѣта.

Что это за лисица, гдѣ она живетъ, кто ее оцѣнилъ въ 20.000 — ничего не извѣстно.

Кому это, вообще, нужно?

*

Поэтъ и философъ Николай Мазуркевичъ разгадалъ, наконецъ, тайну сценичности.

Берется учебникъ логики или физиологіи, и почерпнутыя изъ нихъ цитаты „оживляются“ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „красивыми“ ремарками въ родѣ:

„Музыка тихо начинаетъ играть...“

Вотъ отрывокъ изъ только что вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ „лирической драмы“ Николая Мазуркевича — „Принцесса Памяти“:

Ангель Былого (отстраняя Принцессу Памяти).

Стоя!..

Для смертныхъ видѣть невозможно

Миръ духовъ. Чувствовать всегда —

Они ихъ чувствуютъ... Но ложно

Зовутъ ихъ фнкціей мозга...

(Шумъ волнъ... Вдали горятъ огни... Маякъ... Лясъ...

Луна... Звѣзды... Музыка тихо начинаетъ играть...)

Отнынѣ — „каждый самъ себѣ драматургъ“, — стоитъ только воспользоваться мудрымъ совѣтомъ Николая Мазуркевича; и если въ вашей пьесѣ имѣется монологъ о взаимоотношеніяхъ между губернскимъ и уѣзднымъ земствами при организаціи патроната для прирѣнія подкинутыхъ дѣтей, — не смущаясь, пощедрѣ испестрите его хоть и не подходящими къ случаю, но — эффектными ремарками.

Напримѣръ, такъ:

Иванъ Семеновичъ (привлекая къ себѣ Юлію).

— Естественный ходъ вещей показываетъ, что при нормальной постановкѣ дѣла въ приютѣ подкидышей (музыка начинаетъ тихо играть) число послѣднихъ постепенно возрастаетъ (шумъ волнъ) и возрастаетъ и, наконецъ, наступаетъ тотъ моментъ, когда тѣснота помѣщенія затрудняетъ разстановку кроватей (отдаленный ропотъ грома), и несоотвѣтствіе количества воздуха въ помѣщеніяхъ (звѣзды то показываются, то меркнутъ) увеличиваетъ заблѣваемость (гроза разрастается) и смертность дѣтей. (Тучи... Молнія... Гроза все ближе и ближе...).

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу
пятый томъ пьесъ

Аркадія Аверченко

„БЕЗЪ СУФЛЕРА“.

Между прочими пьесами: „Дѣточка“, „Женщина, достойная уваженія“, „По-хорошему“ и др.

Марковъ II: — Пройдутъ тучи, напущенныя жидами на наше отечество, и тамъ наверху снова засяетъ наша радость, наша надежда...

— Ахъ, не хвалите меня, не умиляйтесь! Въ такую трудную минуту каждая женщина должна поступать, какъ женщины времянь Минина — нести свои драгоценности на алтарь отечества.

— Не крокодилы мы, а люди обманутые. Не доглядишь за приказчикомъ, а онъ, подлець, и набавить на мясо. Но мы его ошибку завсегда исправить рады. Получай, петроградская бѣднота, отъ нашей щедрости.

— Ахъ, не смотрите, прошу васъ, не смотрите! Въ такую тяжелую годину долгъ каждого снять послѣднюю рубашку для своего ближняго.

См. на оборотъ.

О Б М А Н Ъ.

Я вхожу въ аптекарскій магазинъ, дѣлаю веселое лицо и, придавъ голосу бархатистость, говорю:

— Добрый день! Будьте ласковы, позвольте мнѣ шесть облатокъ аспирина по полграмма.

Розовый блондинъ улыбается и отвѣчаетъ:

— Къ сожалѣнію я не могу васъ приласкать. Аспиринъ у меня нѣтъ. И вообще вы его не достанете теперь нигдѣ.

— Неужели нигдѣ нѣтъ?

— Есть въ аптекахъ, но онѣ его не отпускаютъ. Не выгодно. Можно достать только по знакомству. У васъ есть знакомые фармацевты?

— Нѣтъ.

— Ну, тогда не достанете.

Я обошелъ всѣ аптеки и аптекарскіе магазины своего района, побывалъ въ лучшихъ аптекахъ Васильевскаго острова, Петроградской и Выборгской сторонъ, вездѣ одинъ и тотъ же гнетущій отвѣтъ: аспирина нѣтъ. А у жены вторая недѣля инфлуэнца, температура къ 40 подползаетъ. Что дѣлать? И вдругъ у меня вспыхиваетъ глупенькая, весенняя мысль. Я улыбаюсь и захожу въ ближайшую аптеку.

— Что вамъ угодно? — спрашиваетъ меня блѣдная, худенькая дѣвушка въ бѣломъ халатѣ.

— Прежде всего здравствуйте! Съ весною васъ!..

Она смотритъ на меня удивленно, потомъ кривитъ ротъ и говоритъ сухо:

— Мы не знакомы...

— Такъ я и зналъ! — восклицаю я съ горечью. — Первый весенній, солнечный день... Душа полна радостнымъ волненьемъ... Хочется пѣть, смѣяться безъ причины, заговаривать съ незнакомыми... Я вошелъ сюда весь нараспашку: нараспашку и пальто, и сердце... Вижу, блѣдненькая, печальная дѣвушка. Труженица. И захотѣлось сказать ей что-нибудь ласковое, нѣжное. Съ весною васъ! А въ отвѣтъ сухое: мы не знакомы. Боже мой, Боже мой!.. Какъ всѣ люди одинаковы, какъ шаблонны. Особенно женщины... И пусть бы это была обыкновенная, средняя женщина, самка, но вѣдь вы стоите неизмѣримо выше, вы же провизоръ...

Она улыбается и говоритъ:

— Къ сожалѣнію, я еще только аптекарская помощница

— Это не важно. Важно то, что...

Изъ сосѣдней комнаты выглянулъ плотный брюнетъ въ золотыхъ очкахъ. Онъ пожалъ плечами и скрылся.

— Кто это? — спросилъ я.

Она опустила глаза, порозовѣла слегка и отвѣтила тихо:

— Мой женихъ...

— Какое у него интересное лицо!..

Она вспыхнула отъ радости.

— Онъ уже провизоръ?

— Да.

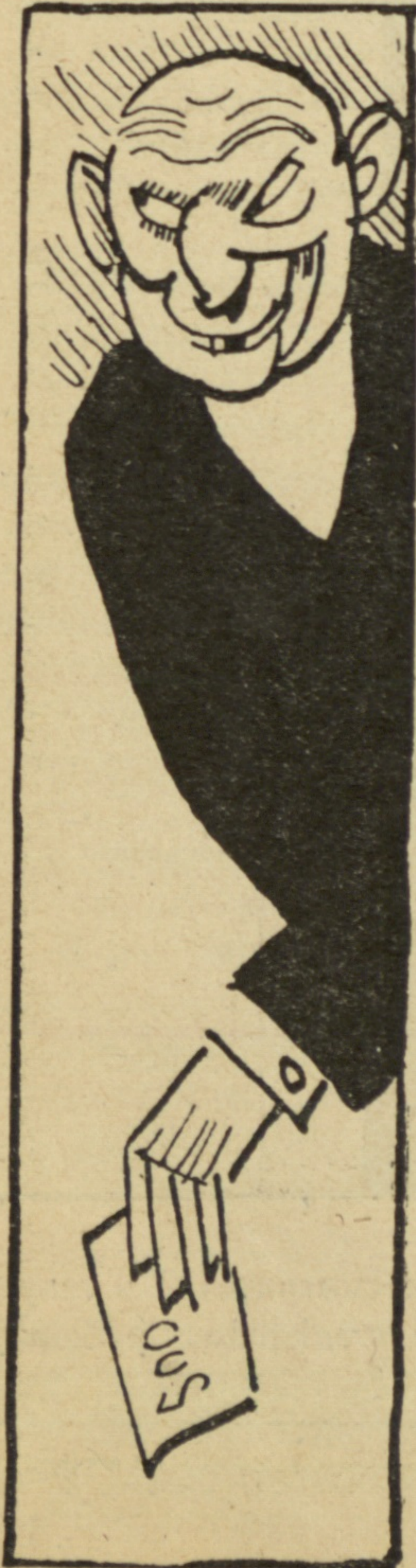
— Поздравляю, поздравляю васъ! —

сказалъ я и протянулъ ей руку. Она пожала ее. — Это не важно, что мы не знакомы, важно то, что свѣтитъ солнце, блеститъ куполь Исаакія, вотъ что важно. Желаю вамъ долгихъ, прекрасныхъ дней. Пусть путь вашъ будетъ усыпанъ розами, лиліями и золотомъ, хе-хе-хе, золотомъ... Я счастливъ въ бракѣ и всякому желаю того же. Да. А теперь позвольте мнѣ іодной настойки на двугривенный.

Она завернула склянку съ іодомъ и подала мнѣ.

— Еще что? — спросила она съ ласковой улыбкой.

— Больше ничего. Очень вамъ благодаренъ. Да, бракъ прекрасная вещь. Конечно, и на немъ есть пятна... Вотъ у меня сейчасъ жена больна и я не могу помочь ей, потому что въ городѣ нѣтъ аспирина...

Она вздрогнула и спросила:

— Вамъ нуженъ аспирина? Сколько?

— Хоть немного...

— Аспиринъ нѣтъ! — сказала мужской голосъ въ сосѣдней комнатѣ.

Она пошла туда, и я услышалъ ея шопотъ.

— Я сказалъ, что нѣтъ, значитъ нѣтъ...

— Тссс!...

Опять шопотъ.

Долго она не возвращалась. Я слышалъ ея умоляющій шопотъ, потомъ его заглушало рычаніе. Она вдругъ заплакала. Что-то упало. Опять мольба сквозь слезы, звукъ поцѣлуя, рычаніе, крикъ: «я же сказалъ уже...»

Наконецъ, она вернулась съ красными глазами, но улыбающаяся, похорошѣвшая...

— Вотъ вамъ аспирина, — сказала она, по-дѣтски улыбаясь.

Я наклонился и поцѣловалъ ея блѣдную, худенькую ручку.

Мнѣ вдругъ остро, нестерпимо стало стыдно, что я обманулъ эту дѣвушку, обманулъ въ первый весенній, солнечный день...

В. Черній.

В Ъ М А Р Т Ъ.

1.

Какъ чахоточной улыбка, блѣдный день

Грустно таетъ —

Отцвѣтаетъ

Средь убогихъ деревень...

Небо кой-гдѣ мутно-сине, то окрашено едва

Позолотой

И дремотой

Вѣтъ талая листва...

Лѣсъ, томящійся тревогой не проснувшейся красоты

Всѣхъ печальнѣй...

Въ церкви дальней

Сонно пробили часы...

2.

Мнѣ на письмо вамъ отвѣчать

До боли стыдно —

Моей любви вамъ не понять:

Вѣдь вамъ не видно

Изъ-за гранитныхъ мертвыхъ

стѣнъ,

Среди фракковъ мод-

ныхъ,

Изъ-за пустыхъ интригъ, из-

мѣнъ

Скорбей народныхъ!

Не видны села вамъ, поля,

Нагія рощи.

Гдѣ плачетъ русская земля

Прямѣй и проще...

Здѣсь толпы вдовъ и матерей

Въ тискахъ заботы,

А вы стучитесь у дверей —

«На Гугеноты!»...

Здѣсь призракъ ужаса войны,

Разлива шумѣ,

Здѣсь близость бѣдственной Весны!

А вы о думѣ!...

Мнѣ ваши лживыя мечты

Чужими стали,

Средь вѣковѣчной нищеты,

Среди великой Красоты

Нѣмой печали!...

Сергій Михѣевъ.

Помогите побѣдить: Будьте защитникомъ Родины, ибо подписаться на заемъ значитъ сражаться, ибо подписаться на заемъ значитъ побѣдить.

ПЕРЕСАХАРИЛИ.

Приказчикъ: — Сахару, сударыня, не прикажете? Есть пиленный, колотый, въ головахъ, песокъ...

Сударыня: — Нѣтъ, не надо. Мы сдѣлали запасъ, года на три хватитъ. (Уходитъ).

Хозяинъ магазина (кому-то по телефону): — Опять сахарный кризисъ! Никто не покупаетъ...

В. Ч.

Рис. А. Р.

КОНКУРСЪ ВРАНЬЯ.

Охотникъ: — Однажды охотился я на кабановъ, усталъ, заснулъ подъ деревомъ... Вдругъ слышу — кто-то о сапогъ трется. Просыпаюсь — и что же! Около меня стоитъ кабанъ и начищаетъ своей щетиной, какъ щеткой, мои сапоги.

— Откуда же онъ ваксы досталъ? — спросилъ слушатель.

— Да вѣдь у него на носу былъ пятачекъ. Пошелъ и купилъ гдѣ-то на этотъ пятачекъ ваксы!..

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукопись не возвращается по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Дорочкину. — Не подошло.

Эсбукетову. — Эсбукетовъ рѣшилъ, что острить можно по принципу рубки дровъ: взмахнулъ топоромъ — и готово:

— Мама, мама, Аличка проглотила муху... Что дѣлать?

— Ну, дай ей кусочекъ бумаги отъ мухъ, пусть проглотитъ, и отстань.

Дура эта мама, — вотъ все, что мы можемъ сказать.

Съ Эсбукетовымъ случился худшій казусъ, чѣмъ съ Аличкой: та проглотила муху, а этотъ большой дядя проглотилъ почтовую марку, ибо его письмо получено безъ почтовой оплаты.

Опомнитесь, Эсбукетовъ.

6-я рота. — С. Б. Ф. — Самые быстрые глаза не могутъ „перебѣжать комнату“, о чемъ вы пишете такъ увѣренно. Кромѣ того, рукопись ваша очень поблѣднѣла въ нашихъ глазахъ послѣ фразы:

„Кто-то хлопнулъ дверь“.

Это вамъ не рюмка водки, молодой человекъ.

Б. Москва.

Арушу. — Кара-Пузову. — Не будетъ напечатано.

Б. Провинція.

Шутилово. К. Семенову. — Кіевъ. Пирятинскому. — Кострома. Бибу. — Марѣино, Тамб. губ. Денисову. — Батуричь. Подписчику № 10 269. — Уфа. Кириллову. — Уфа. Аскольду. — Баку. В. Минаеву. — Феодосія. Г. О. Оргію. — Нахичевань. Герцовскому. — Юрьевъ. Пузыревскому. — Томскъ. Типуну. — Вятка. Х. В. — Одесса. Димитрію П. — Станція Бухэду (Маньчжурія). А. Фарбарину. — Кіевъ. Игъ. — Все присланное не подошло.

Нижн. Новг. — К. К. — „У меня, — пишеть въ препроводительномъ письмѣ К. К., — есть на плечахъ голова“.

Печально, когда въ этомъ приходится настойчиво увѣрять...

Г. Дѣйствующая Армія.

Г. А. — Къ сожалѣнію, не подошло.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 годъ

4-й годъ
изданія

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

4-й годъ
изданія

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

52 номера богато иллюстрированного красочными рисунками и карикатурами журнала большого формата.

Рисунки и текстъ лучшихъ русскихъ художниковъ и писателей.

3 КРОМѢ ТОГО, ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ **3**
БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМИИ:

Одну обильно иллюстрированную книгу:

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РУССКОЙ КОНСТИТУЦИИ. Въ звучныхъ, мѣткихъ, какъ ударъ толедской шпаги, стихахъ будетъ отражено все большое и маленькое, смѣшное и печальное, все бѣлое и черное, что произошло за эти удивительныя 10 лѣтъ.

„ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ НОВАГО САТИРИКОНА“. Если когда-нибудь существовало сомнѣніе въ томъ, что Сатириконцы заботились о своихъ читателяхъ, какъ педиканы о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя сомнѣнія должны съ грохотомъ пасть. Сатириконцы отрываютъ лучшіе куски души своей и отдаютъ ихъ читателямъ вѣте, кушайте!

Расширеніе умственного и научнаго кругозора нашихъ читателей есть первѣйшая забота руководителей журнала. Поэтому вниманію читателей предлагаются:

3 первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Новаго Сатирикона“.

1. ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ.
2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если бы мы остановились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значить нужно. И нечего тамъ разговаривать.) 3. СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подумали.)

ТЕАТРЪ И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ. Альбомъ шаржей Работа извѣстнаго художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Артисты. Критики Рецензенты. Драматурги и проч.

NB. Незнакомыхъ или неизвѣстныхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто-нибудь изъ такихъ и попадетъ случіемъ въ альбомъ, то пребываніе такого лица въ этомъ альбомѣ уже сдѣлаетъ его извѣстнымъ, чѣмъ заданіе и будетъ выполнено.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Будучи принципиальными врагами всякой трескучей рекламы, мы и на этотъ разъ хотѣли бы удержаться въ рамкахъ строгой литературности несмотря на то, что цѣль настоящаго объявленія — опредѣленная: подстрекнуть нашихъ читателей на присылку подписныхъ денегъ за нашъ журналъ.

Но... разъ литературность — мы должны быть скромны. Позволимъ себѣ только привести лестное мнѣніе о подпискѣ на нашъ журналъ такого авторитета, какъ Грибоѣдовъ (слова Фамусова)

— Подписано и съ плечъ долой!

Авторъ этими словами ясно подчеркнул преимущественное положеніе подписчиковъ передъ розничными читателями, жизнь которыхъ полна хлопотъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи:		За границу:	
На годъ	8 р. — к.	На годъ	12 р. — к.
„ 1/2 г.	4 „ — „	„ 1/2 г.	6 „ — „
„ 3 мѣс.	2 „ — „	„ 3 мѣс.	3 „ — „
„ 1 мѣс.	— 70 „	„ 1 мѣс.	1 „ — „

БЕЗЪ ДОСТАВКИ 6 РУБ. 80 КОП.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — 3 руб., къ 1-му іюня — 2 р. и къ 1-му сентябрю — 1 р. 50 к. Для коллективныхъ подписокъ устанавливается особая льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ — 2 руб. и ежемѣс. каждое 1-е число по 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ — 20 коп.

Адресъ ред. и конт.: Петроградъ, Невскій, 88, Тел. 59-07.

Редакторъ: Арк. Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

ПРОБА РЕПТИЛЬНЫХЪ ГОЛОСОВЪ.

„Земщина“ получаетъ субсидію
150 т., „Голосъ Руси“ 200 т.
(Изъ рѣчи депутата.)

Рис. Ре-ми.

— Боже мой, что за лица, что за голоса, — никакого слуха! „Голосъ Руси“ фальшивить, „Земщина“, хрипитъ!
Г. Марковъ, вѣдь за эти деньги я бы могъ дюжину Патти имѣть.

Марковъ: II — Это по нынѣшнимъ-то временамъ?! Когда къ простому спирту, и то приступу нѣтъ? Помилуйте-съ!